

В новой подборке читательских писем, публикуемых нашим журналом, сквозит всё та же тема — тема любви читателей к журналу писателей России “Наш современник”. Где, как не на страницах нашего журнала, может российский читатель высказать своё отношение к современному состоянию литературы? Где он может поделиться своими болями и радостями — русскими болями и радостями, как не на страницах любимого журнала? “Наш современник” остаётся трибуной русской мысли, русского слова, русской боли и радости. Поддержать наш журнал — это всенародное русское дело, это святая обязанность всех честных людей в России. С вами, наши дорогие читатели, мы выживем, с вами мы победим.

“НАМ НУЖНЫ ВСЕ ЛЮДИ, КОТОРЫХ МЫ ПОТЕРЯЛИ”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Вы никогда не задумывались над тем, почему вхождение Крыма в состав России стало для нас таким естественным событием? Ведь все предыдущие годы мы, наоборот, стремились всеми силами быть поближе к Америке да Европе, гордились, что, наконец, стали европейской страной, что с нами считаются. А потом — бац! — и как отрезало. Крым — наш. И мы его не отдадим. Ни за какие коврижки, премии и участия в разных европейских ассамблеях. Уперлись так, что ни санкции, ни ухудшение экономической ситуации, ни даже теракты нас не запугали.

Почему?

Что только с нами произошло за короткое мгновение 2014 года, что теперь за Крым мы готовы бороться точно так же, как за Урал, Сибирь или Москву? Более того, если в 2014 году уверенных в том, что Крым должен входить в состав России, было 73% опрошенных россиян, то в 2015-м сторонников этой идеи стало уже 87%. И это несмотря на всё мировое осуждение, санкции и прочие неприятности.

Люди говорят, что Крым всегда был российским, и потому это нормально, что он перешёл к нам. Большинство в связи с этим испытывают гордость за страну и даже за президента.

В общем, мы за, и всё тут!

Спросите себя, чему вы обрадовались, когда Крым вошёл в состав России? Тому ли, что земли у нас стало больше на 27 тысяч квадратных километров и государство пополнилось двумя с лишним миллионами человек? Разве только в этом дело? Не только и, как я думаю, не столько. Мы были рады тому, что обрели тех людей, которых, несмотря на годы “отчуждения”, всегда считали своими. Это наши люди, которые практически все говорят по-русски, которые с нами связаны и кровно, и духовно. У нас одна ментальность, которую не смогли стереть годы разрыва.

Подумать только! Прошло четверть века, но за эти годы чувство утраты так и не притупилось. Нам нужны все те люди, которых по вине и безумному попустительству властей начала 90-х годов мы потеряли. И нужны не потому,

что у нас станет больше народу или появятся новые квадратные километры. Нет. В основе этого желания лежит что-то намного большее и значимое.

Русская многонациональная культура много веков подряд выступала как основа единого, большого и сильного государства, в состав которого абсолютно органично вливались разные народы. Россия в течение длительного времени, как на ниточку для ожерелья, нанизывала один за другим народы, как драгоценный жемчуг. Каждая из жемчужин была по-своему уникальной, но только все вместе они составляли единое целое и усиливали красоту и самобытность друг друга.

С развалом Советского Союза ожерелье рассыпалось, остались лишь отдельные жемчужины, но без всех остальных такое ожерелье полноценным украшением назвать уже нельзя. Неполюценной стала не только Россия, неполюценными стали и те страны, которые лишились объединяющей силы большой страны.

Практически никто из стран бывшего Советского Союза так и не смог за большой временной срок стать по-настоящему сильным государством, способным быть самобытным, отстаивать интересы своей страны и своего народа. А те, что стали таковыми, как, к примеру, Белоруссия и Казахстан, всё равно тянутся к большому давнему другу и соседу. ЕврАзЭС появился не на пустом месте.

В Белоруссии, по опросам ВЦИОМ, число сторонников обратного объединения составляет 62%, в Киргизии – 67%. В России, по оценкам “Левада-центра”, в декабре 2014 года сожалели о роспуске СССР 54% россиян. В 2015 году распад Советского Союза отрицательно оценили 63% граждан. Больше 60% россиян хотят интеграции в том или ином виде.

В 1991 году за сохранение федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности, высказались 76,4%. Прошло двадцать пять лет. И почти те же самые “проценты” хотят объединения вновь. При этом, в 2008 году 56% россиян считали, что Россия – это европейская страна, сейчас таких осталось всего 32%, а 59% не считают Россию Европой. Так чего же ж она стремиться?! Может быть, нужно просто снова стать самими собой?

Вопрос состоит не в том, чтобы заново создавать Советский Союз со всем его государственным и административно-хозяйственным устройством. Если бы он был жизнеспособен, то не развалился бы. Вопрос совершенно в другом – в том, что мы нужны друг другу. Как бы ни бесились наши соседи, ни орали “кто не скачет, тот москаль”, на подкорке каждый знает это. Нам нужно чувство “локтя”, добрососедства, дружбы народов, уверенности в завтрашнем дне и друг в друге. И очень важное ощущение, без которого мы не засыпаем спокойно каждый день, что все свои – дома. А остальные вопросы о том, как это будет выглядеть, в какой форме и деталях, – это вопросы обсуждаемые, но по отношению к чувству единства, на самом деле, вторичные.

С уважением
Маргарита Нифонтова
г. Москва

“ГЛАВНОЕ – ПАТРИОТЫ РОССИИ”

Дорогой Станислав Юрьевич!

Примите мою сердечную благодарность за публикацию моей подборки в № 11 “НС”, за поздравления с 80-летием!

“Наш современник” – это Русский остров национальной культуры, это бастион, где никогда не сдавали и не сдают русской поэзии. Всё в журнале важно, своевременно, принципиально. Журнал отважно поднимает проблемы, которые все трусливо замалчивают.

Вот и в № 11 – замечательная статья Игоря Янина про наши рыбные дела. Дешёвая дальневосточная лососёвая рыба спасала в войну от голода народ Приморья, а теперь у нас на прилавках рыба из Чили, из Норвегии – с другого конца света по тысячу рублей за кг! Свою дешёвую рыбку наши рыбные магнаты гонят в Юго-Восточную Азию. Спасибо Игорю Янину за очень важную для нас статью.

Юбилей мой прошёл весьма скромно. Книжку издать не удалось. Магнатам и буржуям не нужна русская поэзия. Зато порадовали публикации в журналах. Посмотрите мой “Сонет о тигре”. Петрарка Лауре писал сонеты, а я – тигру!

*Амурский тигр, красавец грациозный,
Во всей своей бесстрашной силе грозной,
Ужели мы тебя не сохраним?..*

Молодцы, что ввели в Совет журнала Прилепина и Шаргунова – этих двух *молодых тигров* нашей литературы. Достойные, талантливые люди, главное – патриоты России.

Дорогой Станислав Юрьевич, сердечно поздравляю Вас, близких Ваших с Новым годом и Рождеством! Здоровья Вам, новых творческих успехов, благополучия!

Мои наилучшие пожелания Александру Ивановичу Казинцеву, всему коллективу редакции. Храни вас Бог!

Борис Лапузин
г. Владивосток

“МЫ ПО РУКАМ ПУСКАЕМ КАЖДЫЙ НОМЕР...”

Дорогой и многоуважаемый Станислав Юрьевич!

Ваш ответ для меня явился неожиданно щедрым подарком! Это была “радость со слезами на глазах”. Огромное Вам спасибо за книжку “Нет печальней измены...” и за добрые слова в мой адрес! Книжку прочитала дважды. Эта тема для меня очень болезненна, так как два моих брата живут на Украине. В Донецке и в Луганске. Семьи их детей там же. Господи! Сколько слёз и переживаний за время этих ужасных событий! Два племянника со своими семьями выехали, но, поплутав два года вдали от родных мест, вернулись домой. Переживаниям не видно конца.

Очень благодарна Вам за эту замечательную книгу, Вы глубоко погрузились в эту тему, увязав наши дни с событиями прошлых времён. А как удачно и органично вплелись живые голоса авторов писем в повествование! Смерть Олеся Бузины была для меня потрясением. Гибнут лучшие сыны народа...

Станислав Юрьевич, я давняя поклонница Вашего таланта, спасибо Вам огромное за Вашу поэзию, прозу, за дружбу с Рубцовым и Передревым, за журнал “Наш современник”! Мы по рукам пускаем каждый номер и делаем ксерокопии отдельных, самых интересных статей. Я уже одиннадцать лет являюсь членом клуба “Врачующая книга”. Ксерокопии делала для членов нашего объединения. Спасибо Вам за всё!

С Новым годом Вас поздравляю и Ваших замечательных коллег по работе в журнале. Здоровья всем им, счастья, вдохновения, творческих успехов, достойных зарплат! А журналу – процветания! Мы его очень любим, и каждый номер ждём с нетерпением.

С благодарностью и любовью

А. Коробейникова

г. Белая Холуница Кировской области

“БОГ МИЛОВАЛ – ПОДПИСКА ОФОРМЛЕНА”

Здравствуй, уважаемый Станислав Юрьевич!

Пишет Вам беженец из Новороссии, из Краматорска. Являюсь постоянным читателем журнала. К сожалению, сейчас нет средств, чтобы подписаться на журнал. Беру “Наш современник” в библиотеке. Очень переживал, когда узнал, что у библиотеки не будет средств подписаться на следующий год. Однако Бог миловал, и подписка оформлена.

Позвольте поздравить Вас и всех “наших современников” с 60-летием журнала! Огромное спасибо за Ваш благородный труд во благо нашей Святой и Великой России-Матушки, а значит – во славу Божью! За то, что помогаете

нам – Русским людям – сохранить Наши Русские ценности. Лично я считаю, что различие между западными ценностями и нашими русскими – в отношении к Победе и Бессмертному полку и нашим Крестным ходам.

Позвольте также поздравить Вас и Ваших близких с Новым годом, Рождеством Христовым. Храни Вас Господь!

Ваш Алексей Пшеничный
г. Боровичи Новгородской области

“Я ВЫПИСАЛА “НАШ СОВРЕМЕННОК”...”

Уважаемый Станислав Юрьевич и весь коллектив редакции!

Прежде я жила в Казахстане, где в основном отношение к русским нормальное, но душа тянулась в Россию. Объездила несколько областей, чтобы познать русскую жизнь и русскую душу, углубиться в российскую безграничность. Началась подписка, и я выписала “Наш современник”, который до развала Советского Союза был моим первым журналом. Слава Богу, не ошиблась, он и сегодня – лучший. Читая номера, поняла, что у журнала очень хорошая обратная связь с читателями, что редколлегия прислушивается к нашему мнению.

Благодаря “Нашему современнику”, ставшему для меня путеводителем, навигатором по общественной жизни, я узнала по-новому и глубже историю нашей страны, её духовный стержень, проблемы. Публикации журнала – это не верхоглядное видение жизни, а серьёзное волнующее размышление, поиски настоящих патриотов, духотворцев, пророков.

Есть такое явление в нашей жизни – переселенчество. У меня сжалось сердце, когда в одной из статей А. Проханова я прочла, что это явление нуждается в исследовании. С одной стороны, от боли, ведь это явление волнует не только меня, а многих, как и я, вернувшихся на свою родину. С другой стороны, я порадовалась, что есть люди, которые понимают весь трагизм этого явления и готовы передать своё отношение к нему другим. Я беседовала, встречалась с теми, кто, как и я, ищет приюта. Очень много боли, проблем. Я даже написала “Исповедь переселенца”. Я могу массу живых примеров привести для тех, кто возьмётся за эту тему. Организовать встречу с этими людьми.

От всей души поздравляю коллектив редакции Новым годом!

Людмила Скрипченко
село Никоново Верхнехавского района Воронежской области

“ВЫ УМЕЕТЕ ВОДУШЕВЛЯТЬ НА СВЕТЛЫЕ ДЕЛА...”

Дорогой Станислав Юрьевич!

С днём рождения Вас! Ничего, кроме здоровья, Вам и Вашим близким не желаю: остальное у Вас есть, а жизненной стойкостью Вы щедро делитесь с окружающими, в том числе с незримыми для Вас, и я – среди них.

Для меня Вы вожак журавлиной стаи. Под Вашим водительством и широким крылом нашли и находят прижизненное и посмертное укрытие многие достойные люди, великие и малые.

У Вас есть уникальный талант, стоящий Вашего литературного, публицистического и организаторского талантов, хотя и проявляющийся через них: Вы умеете воодушевлять на светлые дела и отстаивать правду. Я подобного человека не знаю ни среди русских, ни среди представителей иных племён, ни среди современников, ни среди исторических персон. Мне кажется, что в этой Вашей уникальности – главная причина “печальности” Ваших побед и несправедливости Ваших поражений. Такое вот “горе от ума”. Всею душой Вы расе почти космическое одиночество и хотя бы этим признанием пытаюсь развеять его.

Также в моих силах сочинять песни на Ваши стихи. Год назад я переслал Вам три таких песни. Сейчас отправляю две новых: “Разговор с покинувшим родину” и “Я, как молодое государство”. Есть на примете ещё несколько Ваших стихотворений.

Часто бывает, что сочинию музыку, а стихов для неё нет. Тогда начинаю рыться в сборниках, и мои главные кандидаты идут в таком порядке: сначала Куняев, потом Рубцов, затем Кузнецов, к которому обычно обращаюсь от безнадёги и с опаской. Такое впечатление, что он на моих глазах натянул струну между космосом и преисподней “и пустил электрический ток”. А меня этим током лупит, только поддайся. Я бы и не поддавался, но была куняевская наводка – Ваши обширные и, как всегда, в точку рассуждения о Кузнецове. Положившись на Вас как на вожака журавлиной стаи, я рискнул вжиться в поэтический мир Кузнецова, в хрупкий момент поиска стихов для только что сочинённой музыки. И началось: читаю его стихотворение – и сочиняется новая мелодия (он и тут диктатор), листаю дальше сборник – и опять, и опять... Позже, очутившись и оступив, привёл в более-менее человеческий вид эти опусы. Думаю, ему бы понравилось.

Кроме того, я чувствовал себя должником Юрия Поликарповича. В 1997 году он в составе десанта авторов “Нашего современника” выступал в нашем университете. Когда пришло время записок от публики, я поднялся на сцену с двухстраничным посланием к Валентину Григорьевичу Распутину. Увидев меня, Юрий Поликарпович подался в мою сторону, мне даже показалось, привстал, уверенный в том, что я иду к нему (а к кому же ещё?). Я видел весь нескладный ужас ситуации, и мне хотелось вырвать своё сердце и положить его к ногам этого невольно и безжалостно обманутого мной взрослого ребёнка! Но, увы, даже сил написать что-то ободряющее для него у меня тогда не осталось. А теперь остаётся утешаться тем, что русские сильны задним умом. Зато как сильны! – это я уже не о себе, а о нас.

А музыку на стихотворение Рубцова “Наступление ночи” я сочинил легко; видно, не зря он был “с людьми прост”. Выходя из вагона метро, я уже готов был закрыть перечитываемую мной книжку Вадима Валерьяновича Кожина о Рубцове, как вдруг зацепился за это стихотворение. И сразу пошла мелодия.

Со Светланой Анатольевной Сырневой получилось тоже интересно. Я просматривал в интернете подборки её стихотворений и ни о какой музыке не помышлял. Минут сорок читал (почти до конца школьного урока, Светлана Анатольевна!), и с интересом. Наверное, за это время я напитался мелодикой её поэзии, потому что последнее стихотворение в последней на тот день прочитанной подборке – “Романс” – оказалось “тем самым”.

А что же это я не говорю о том, как сочиняю песни на Ваши стихи, Станислав Юрьевич? А сказать-то и нечего, кроме того, что все названные выше поэты для меня – куняевцы. Сочиняю музыку на их стихи, и вижу Ваши могучие журавлиные крылья.

Александр Юрьевич Горбачёв,
старший преподаватель кафедры русской литературы
Белорусского государственного университета
г. Минск, Республика Беларусь

“ВАШИ КНИГИ УЧАТ МЫСЛИТЬ”

Дорогой Станислав Юрьевич!

Много лет слежу за Вашим творчеством, покупаю всё, что могу найти на прилавках магазинов. Но все полки там завалены макулатурой. Исчез Лермонтов, остались единицы экземпляров Пушкина, Шолохова, Толстого. И вдруг, как чудо, Ваша книга: “От Есенина до Рубцова”. Одна книга, тиражом всего 1000 экземпляров. Сижу, конспектирую. После прочтения и изучения Ваших книг отдаю их в библиотеку нашего городского университета. Молодёжь должна знать Ваши книги, которые учат мыслить. Таким образом, они ознакомились с Вашей и Вашего сына работой: “Жизнь Есенина”, с Вашими книгами: “Мои печальные победы”, “Любовь, исполненная зла”. Теперь задумаются и над книгой “От Есенина до Рубцова”.

К моему великому сожалению, я не смог найти Вашу, как я понимаю, главную книгу: “Поэзия. Судьба. Россия”. Но, конечно, найду.

Дорогой Станислав Юрьевич, желаю Вам здоровья и долгих лет жизни. Передайте мой дружеский привет Вашему сыну, Сергею Станиславовичу Куняеву.

Евгений Васильевич Буровлёв
г. Елец

“ОБЕСПОКОЕНЫ ДАЛЬНЕЙШЕЙ СУДЬБОЙ РОССИИ...”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Прочитав в Вашем журнале № 1 за 2016 год очерки Андрея Фурсова “Русофобия – психоисторическое оружие Запада” и Александра Севастьянова “Византийская мозаика”, не мог не откликнуться, не выразить своё читательское мнение. Оба автора, каждый по-своему, обеспокоены дальнейшей судьбой России: быть ей или не быть! Это в условиях разнузданной русофобии, развязанной Западом и “пятой колонной” внутри страны. Непонятно, правда, кого Фурсов относит к “пятой колонне” – демократов-прозападников или ещё кого? Не буду касаться правильных умозаключений, изложенных авторами в своих очерках, замечу лишь, что Фурсов заблуждается, называя марксистов-революционеров XIX столетия русофобами, причисляя их к масонам. Марксисты-революционеры, являясь, по сути своей, интернационалистами, боролись против эксплуатации всех трудящихся, независимо от национальности, нещадно клеймили всех угнетателей земного шара, не только России. Если они критиковали порядки, существовавшие в Российской империи, то совершенно заслуженно, ведь Россия была более отсталой страной в сравнении со странами Запада, в ней существовали большие пережитки крепостнических отношений. Но несмотря на отдельные искажения истории, автора вдохновляет оптимистический пафос в его уверенности в победном исходе борьбы с русофобией.

Что же касается очерка Севастьянова о Византии, то благоприятное впечатление от этого материала смазывается допущенными автором противоречиями, когда он называет Византийскую империю “богатой и удачливой страной” и тут же говорит, что она тысячу лет пребывала в агонии. Агония – предсмертное состояние организма, и нельзя в агонии прожить тысячу лет. Главной причиной падения Византийской империи автор считает её многонациональность и нравственное разложение правящих кланов, не учитывая борьбу низших классов против правящих верхов, а ведь империю постоянно сотрясали народные восстания и бунты. Сплочение наций возможно на основе социального равенства граждан и общей идеологии.

С уважением
Иван Кривопалов
пос. Кольцово Новосибирской области

“ПРАЗДНИК ЖУРНАЛА – ПРАЗДНИК ДУШИ”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Мне, адвокату, который целыми днями пропадает в судах и хлебает “правду-матку” не пригоршнями, а ушатами, оказаться на юбилее “Нашего современника” было большой удачей. Я помню, как позвонил заместителю главного редактора журнала Александру Ивановичу Казинцеву, и он своим неповторимым добрым голосом сказал: “Приезжайте” – и я, не задумываясь, перенёс очередные заседания в судах и прыгнул в поезд.

И вот я в столице. У меня всегда, когда приближаюсь к месту, где могут находиться дорогие мне люди, поднимается настроение. Я знал, что юбилей в Центральном Доме литераторов, и там могут оказаться многие из них. И не ошибся. В холле увидел Александра Казинцева, Станислава Зотова – редактора отдела публицистики. Обнялся с писателем Константином Скворцовым, с которым познакомился летом, собирая материал об абхазце Фазиле Искандере. Он оказался соседом Искандера по даче, и именно Константин Васильевич с супругой пытались спасти писателя в тот роковой июльский день 2016 года, но безуспешно. Переговорил с Владиславом Артёмовым, у которого в журнале “Москва” публиковался. Увидел Геннадия Зюганова и даже договорился с ним по поводу интервью о Егоре Исаеве, которого тот ценил. Разве мог я в ином месте увидеть сразу столько интересных людей, коллег и друзей!

Зал был заполнен людьми до отказа. Сразу проникся царящим здесь оживлением гостей, которые пришли и приехали сюда по зову души, и это ещё больше воодушевляло.

Вот на сцену своей бодрой походкой вышел Станислав Юрьевич Куняев и открыл вечер.

Вы думаете, кого-то в зале утомил его рассказ об истории журнала? Нисколько! Прикосновением к Александру Пушкину, основателю 180 лет назад журнал "Современник", к Алексею Лосеву, к нынешним авторам журнала, которых не счесть, он словно открывал створы в ранее скрытые для всех нас арсеналы прошлого, прикасаясь к событиям ушедшего столетия, к которым я оказался кровно причастен. И этот рассказ превращался во что-то более значимое, нежели просто разговор о пережитом, в какое-то большое общение, для которого зал Дома литераторов казался безумно мал: оно выходило за его пределы и распространялось на пространства всей России.

Я слушал слова Станислава Юрьевича о любимом детище Александра Сергеевича "Современнике", в котором, наряду с его поэмами и повестями, печатались повести Гоголя, стихотворения Тютчева, Лермонтова и воронежского поэта Кольцова, с каким трудом журнал выживал, как его недопонимали. Слова Куняева о вырожденцах и вырожденках, которые заполняли и теперь заполняют нашу жизнь, как с этим боролся и борется журнал, никого не оставили равнодушными в зале. Я сам не могу спокойно смотреть на алчных дельцов, лживых приспособленцев и откровенных преступников, которые наводнили мою страну и кому давал и даёт бой "Наш современник", названный Валентином Распутиным "Брестской крепостью".

Когда сидящий рядом с главным редактором Александр Казинцев объявил, что перед нами с экрана выступит ныне покойный бывший главный редактор журнала Сергей Викулов, я невольно вспомнил историю о том, как метался с посвящённой Александру Твардовскому повестью о собаке Гавриил Троепольский. Тогда с ней он пришёл именно в "Наш современник". А как разгорчив в своих поступках Гавриил Николаевич, рассказывать не надо.

На экране появился Сергей Васильевич Викулов. Он заговорил:

— И вы сами понимаете, что начинать дело было нелегко. Завоевать место под солнцем, как мы говорим, среди таких журналов, которые давно известны нашим читателям, как "Новый мир", "Москва", "Октябрь", "Знамя" и другие, было не так-то просто. И вот когда мы собирали силы для того, чтобы журнал мог нормально жить, функционировать, мы поняли, что рассчитывать только на Москву — значит, задачу эту не решить. И мы решили, что оставим открытую дверь для москвичей, но мы внимательно будем смотреть, а что происходит на литературном фронте в глубине России. Иными словами, мы сделали ставку на глубинную, провинциальную, периферийную Россию. Первым пришёл в журнал "Наш современник" Гавриил Николаевич Троепольский, проживающий в городе Воронеж и предложивший нашему журналу знаменитую повесть "Белый Бим Чёрное ухо"...

На экране возникли изображения книги о Биме и фотография Троепольского. Я несколько лет собирал материал о жизни Гавриила Николаевича перед тем, как вышел мой роман о нём "Человек Чернозёма", и то, что сказал Викулов, невольно отразилось во мне кровной связью с журналом. И думаю, многие в зале ощутили на себе такую связь.

А Викулов с экрана закончил:

— Пришёл к нам в журнал Василий Иванович Белов из Вологды...

На экране появился Василий Белов, который заговорил:

— У нас существует много людей, которые считают, что славянская культура — это второстепенная культура. Мы должны развеять такое мнение. Мы должны доказать, что это неправда, что это ложь. Славянская культура — великая культура.

Свет в зале вспыхнул, а я горько сожалел, что не встретился с Василием Беловым при его жизни. Был в Вологде, на своей родине, несколько раз и всякий раз мог по совету поэта Егора Исаева встретиться с Василием Ивановичем, но меня в Вологде отговаривали от этого шага местные коллеги: мол, Белова так опекают, что к нему не попадёшь. Тогда я отступил, о чем вспоминаю с досадой. Но теперь встреча с писателем с экрана как бы восполняла утраченную возможность.

Я во всём происходящем находил какой-то отклик у себя в душе, ведь адвокат не должен сидеть, сложа руки, когда унижают или обижают моего соотечественника.

Поэтому когда очередной поздравляющий Альберт Лиханов вспомнил четверостишие Станислава Куняева:

*Добро должно быть с кулаками.
Добро суровым быть должно,
чтобы летела шерсть клоками
со всех, кто лезет на добро.*

Я только взбодрился и следом за Лихановым повторял строки. Я знал много трусоватых редакторов журналов, газет, которые сглаживали углы, боясь попортить отношения с тем или иным чиновником, с тем или иным спонсором, ретушировали действительность и воспевали тех, кто очередным божком взбирался на временный Олимп, чтобы через какое-то время с него свалиться.

Когда прозвучали слова, что дано слово Александру Проханову, я невольно захлопал в ладоши. Между Станиславом Куняевым и Александром Казинцевым сел крупный мужчина со встрёпанным волосами. Это был тот, о ком Егор Исаев при жизни мне говорил: “Миша, иди к Саше Проханову. Он такой же горячий!”

Проханов начал задушевно:

— Для меня “Наш современник” — это дом. Родной. Тёплый. Светлый. С великолепными окнами. С видами на восхитительные аллеи. С маленькими окнами, откуда видны пажити, озими, деревни, с первой пургой, русской природой. Я в этот дом приносил самое дорогое, что у меня есть — мои произведения. Журнал “Наш современник” был моей охраной. Был моей обороной, как беззащитного художника. Все мы, художники, беззащитны, у нас нет ни воздушных армий, ни бронетранспортёров. Нашими защитниками являются наши собратья, наша культура.

Проханов продолжал:

— Ещё “Наш современник” для меня является оружием. Потому что мы всё время, всё время литературное, весь наш век сражаемся. Это постоянная схватка. Это не упование и обольщение красотой слова, это жесточайшая, смертельная схватка. И “Наш современник” был орудием, был пушкой гладкоствольной, из которой мы стреляли, из которой летели наши тексты. Иногда попадали в цель, приносили разрушение в стан врага, иногда мы промахивались, но сражались. Многие из нас погибли. И мы сами не погибли, потому что они погибли. А выжила Россия, выжила восхитительная русская словесность благодаря тому, что были те, кто погибал. Были страшные времена...

Мне захотелось взбежать на сцену и крепко-крепко пожать руку этому бойцу.

А вечер преподносил один подарок за другим. Вот микрофон взял Сергей Куняев и объявил, что теперь произойдёт встреча с Валентином Распутиным. У меня было несколько встреч с Валентином Григорьевичем, но эпизодических и очень коротких. Но несколько раз я слушал его выступления. Он воспринимался мной, как воспринимался братией Оптиной пустыни тогдашний духовник отец Илий. Я познакомился с отцом Илием в горький 1993-й, после трагедии на Пасху, и длительное время наблюдал за ним. Подобным “духовником жизни” мне представлялся Валентин Распутин, который теперь словно вернулся к нам и говорил с экрана:

— Деревенская литература, она уже была известной, она уже широко была известной. И “деревенщиков” было не так уж и мало. И я примкнул к ним. Это была моя литература. А в деревенской литературе фальшивить нельзя. И не писать поверхностного человека. Когда пишешь поверхностного человека, ты и сам поверхностен. Надо в какие-то свои глубины заглянуть. И они существуют, глубины. Это не писатель, если он обходится без этих глубин, если он не сумел их разработать. А это требует разработки определённой. И чтением, и размышлением, и просто молчанием... Я не назад зову. Я за сохранение тех ценностей, тех традиций, всего того, чем жил человек... Ведь правительство... не доверяет народу... И довело дело до того, что народа, в той слитности, в которой он был, его не стало теперь. Вот это преодолеть, это самое страшное. В год мы можем сколько угодно нефти добывать, сколько угодно электростанций строить, но пока не будет этой слитности, не будет могучего государства. Никогда не будет... Будем вот так продавать, найдутся всегда люди, которые умеют этим пользоваться, которые умеют наживать, которые везде проникают... Задача — бережение народа.

Я вспомнил своего друга писателя из Самары Эдуарда Анашкина, который был близок к Валентину Григорьевичу и теперь пишет книгу о нём, и лишь мысленно попросил, чтобы скорее он её окончил. Она нужна была, чтобы отделить шелуху от зёрен, от валом примазывающихся к писателю после его кончины людишек.

Сергей Куняев продолжил вести вечер:

— Сейчас вы увидите на экране замечательного прозаика, который по возрасту не смог здесь присутствовать, но он с нами, он жив. На экране — Юрий Бондарев.

В который раз погас свет и на полотне появился мужчина со звездой Героя на лацкане пиджака, который сжимал руки в кулак и, немного склоняя голову, говорил:

— Прошло уже много лет, а ту тяжелейшую, священную, Отечественную войну забыть никто не может. Высказывали такие мысли, что наш солдат не так уж хорош, что наши полководцы допускали ошибки, и это стоило огромных жертв. Бывший генерал вермахта Блюментритт сказал удивительную фразу, которую у нас по определённым, наверно, обстоятельствам и из-за паталогической стеснительности, наверно, не говорят: “Мы никогда не ожидали встретить такую Красную армию. Мы поразились её стойкости. Ведь каждое сражение стоило нам пятидесяти процентов личного состава. В Европе Дания была завоевана за одни сутки, Голландия — за пять дней, Бельгия — за девятнадцать дней, Франция — за шесть недель, и то для нашей армии, — говорит он, — были просто манёвры. А то, что произошло здесь, это ужасно...”

С Юрием Васильевичем я тоже до сих пор не встретился, хотя по совету и даже договорённости Егора Исаева с Юрием Бондаревым это должно было произойти лет пять назад. И тут вечер в ЦДЛ восполнял и это моё упущение.

Он запомнился мне ещё поздравлениями, которые зачитал Александр Казинцев: от владыки Тихона, от писателя Захара Прилепина. За душу задело каждое сказанное с экрана слово композитора Георгия Свиридова. Говорил старичок, поднявшийся на сцену. Он оказался академиком и когда-то воевал против изменения направления сибирских рек. Потом бывший ректор Литинститута, редактор журнала, газеты. Читали стихи поэты, актёры МХАТа. Много ещё было интересного, животрепещущего, задушевного.

Даже тогда, когда вечер затянулся, зал не пустел. Певица Татьяна Петрова спела песню “Зачарованная даль”, которую просила исполнить для юбилеев Александра Николаевича Пахмутова:

*Нас осталось так немного,
Нас ещё томит печаль.
Заповедная дорога,
Зачарованная даль.*

*Здесь до боли всё знакомо,
Здесь родные берега.
И ведёт дорога к дому
Сквозь невзгоды и века...*

Когда стали расходиться, я подошёл к Станиславу Куняеву, и он подписал мне свою книжку просто и по-отечески:

“Мише!
Ст. Куняев”.

Теперь она стоит у меня на полке, вместе с книгами, подписанными мне Гавриилом Троепольским, Егором Исаевым, Владимиром Фирсовым, Евгением Догой, Александром Казинцевым и многими дорогими для меня людьми.

Я вышел из Центрального Дома литераторов и пошёл к метро.

“Вот, говорят, литература умирает, а она живёт. И как!” — звучало в голове у меня, а в ушах стоял гул зала и отрывки из записанных на киноплёнку выступлений Валентина Распутина, Василия Белова, Николая Рубцова, Юрия Бондарева, Вадима Кожинова, которые смешивались со словами из песен.

Для кого юбилей — праздник журнала, а для меня — праздник души, почерпнувшей столько русского слова, русской мысли, русской боли и русской

радости, русской музыки, и я ничуть не жалел, что бросил все свои адвокатские дела и приехал в столицу.

Михаил Фёдоров,
адвокат, писатель
г. Воронеж

ШТРИХИ К РОМАНУ О РОКОССОВСКОМ

Дорогой Станислав Юрьевич!

С большим удовлетворением прочитал в пятом и шестом номерах журнала “Наш современник” за 2016 год роман-биографию Сергея Михеенкова “Рокоссовский. Клинок и жезл”. Отрадно, что на страницах журнала с большой теплотой и так широко представлен выдающийся полководец Великой Отечественной войны, глубоко порядочный и очень интеллигентный человек – Константин Константинович Рокоссовский. Его по праву называли советским Багратионом, а наши враги – гитлеровские генералы – считали его лучшим военачальником Красной армии.

Заслуживает всяческого одобрения и то, что журнал опубликовал роман-биографию о Рокоссовском в год его 120-летия. Это хороший подарок не только тем, кто имел честь воевать под началом маршала, но и проходивший под его командованием воинскую службу в послевоенное время. Известно, что Рокоссовский после завершения войны с немцами командовал Северной группой войск, затем, вернувшись из Польши, где Константин Константинович семь лет был министром обороны этого государства, он продолжал свою службу в качестве заместителя министра обороны СССР.

К сожалению, Рокоссовский – один из тех героев Великой Отечественной войны, которые оставили для потомков в силу ряда причин довольно скромные мемуары, мало рассказали о своих непростых судьбах и жизненных перипетиях. Между тем маршалу было что поведать о событиях в годы войны, и особенно в её начальный период, когда он командовал корпусом. И здесь следует отметить, что эта категория военачальников плюс командиры дивизий по существу были главными фигурами в ходе боевых действий вплоть до водружения Знамени Победы в поверженном Берлине.

Именно они на полях сражений претворяли в жизнь стратегические замыслы и планы, которые разрабатывали большие военачальники. А порой дрались с врагом и без всяких стратегий. Особенно на начальном этапе войны. Эти офицеры и генералы приняли на себя ошеломляющий удар вермахта, испытали горечь поражений и отступлений в июне–ноябре 1941 года, а затем – тяжесть оборонительных боёв на всех участках фронта. Именно эти командиры сумели в непростых условиях организовать отпор врагу, остановить его продвижение к Москве, а затем и начать громить. Рокоссовский – яркий их представитель. Характерна и такая деталь. Среди боевых потерь высшего состава Красной армии велики были потери среди командиров дивизий и корпусов. Но следует отметить, что именно эта категория командиров была наиболее поощряема высокими наградами: Героями Советского Союза в годы войны стали многие комдивы и комкоры. Правда, Рокоссовский свою первую Звезду Героя получил в 1944 году, уже будучи командующим войсками фронта, хотя этому предшествовали бои на подступах к Москве, где Рокоссовский как командующий армией сумел вместе со своими бойцами остановить врага, Сталинградская битва и Курская дуга, где он – командующий войсками фронта – проявил себя как отважный, смелый и грамотный защитник Родины. Награды, конечно, за все эти баталии были. Но довольно скромные. Видимо, сработала история “сидельца”.

Так что и самим Рокоссовским, и авторами, рассказывающими об этом полководце, ещё многое недосказано. И очень бы хотелось надеяться, что со временем этот пробел будет устранён. В этой связи представляется уместным к труду С. Михеенкова сделать некоторые дополнения. В частности, известно, что Рокоссовский был арестован 17 августа 1937 года и по 22 марта 1940 года содержался в тюрьме. В Ленинграде, в зловещих “Крестах”. Но известно и то, что рассмотрение его дела состоялось в Москве осенью в 1939 году. Военная коллегия Верховного Суда СССР не признала обвинения против Рокоссовского. Дело против него было прекращено. И здесь возникает зако-

номерный вопрос: почему после закрытия уголовного дела наш герой ещё почти полгода содержался в тюрьме?

Автор романа также задаёт такой вопрос, но ответа у него нет. Всё вроде бы покрыто мраком. Существует несколько версий на сей счёт. Автор этих строк об одной из таких версий в определённой степени осведомлён. В начале 70-х годов прошлого столетия я работал корреспондентом сельхозотдела газеты "Правда". По соседству с нашим располагался военный отдел, который был весьма немногочисленным, — три сотрудника. С одним из них — полковником Петром Студеникиным — у меня сложились приятельские отношения, несмотря на некоторую разницу в возрасте. В отделе он вёл несколько направлений по освещению военной тематики, в том числе и мемуары. К нему часто заходили видные военачальники-фронтовики, их порученцы. Особенно активно это происходило в 1974—1975 годах, когда отмечались вековые события минувшей войны. Студеникин нередко делился со мной интересной информацией о малоизвестных фактах, имевших место в ходе крупномасштабных операций в годы войны. Такие беседы хорошо складывались в дни, когда совпадали наши дежурства по отделам: газета зачастую подписывалась в печать далеко за полночь. Так что времени для познавательных разговоров хватало. Не могу точно воспроизвести причину, но однажды темой нашей беседы стал К. К. Рокоссовский.

Пётр Студеникин поведал мне, где же пребывал Рокоссовский в конце 1939 года до дня своего освобождения 22 марта 1940 года. Но сначала некоторые коррективы к тексту С. Михеенкова. Действительно, как рассказывал мой коллега, вся фабула обвинения Рокоссовского строилась на показаниях его бывшего сослуживца Арнольда Юшкевича. Между тем Рокоссовский хорошо знал, что этого товарища уже нет в живых 19 лет: он героически погиб в бою. Рокоссовский, используя это обстоятельство, грамотно построил свою защиту, а главное, он вспомнил о том, что о гибели однополчанина рассказывалось в 1920 году в одной из центральных газет. На судебном заседании Рокоссовский с блеском использовал этот неопровержимый аргумент и развалил всё обвинение следствия. Суду ничего не оставалось, кроме как закрыть дело. С. Михеенков назвал газету "Красная звезда". На самом деле это была газета "Правда". Военная газета была создана спустя несколько лет после данной публикации, решение ЦК ВКП(б) о её учреждении было принято в 1923 году. Поэтому было бы целесообразным при переиздании данного произведения внести в текст соответствующие коррективы.

Теперь о главном: почему Рокоссовский ещё полгода томился в "Крестах"? Оказывается, после этапирования из Москвы в Ленинград начался процесс оформления документов для освобождения из-под стражи. Проводил все эти действия следователь, который вёл дело. Так вот, как рассказывал П. Студеникин, чуть ли не на последнем этапе этой процедуры Рокоссовский заявил следователю, а это был сравнительно молодой человек и к тому же представитель "малого народа", о том, что теперь на освободившиеся в камере место следует поместить его. Естественно, в НКВД таких вещей не терпели. Последовала бурная реакция и, как результат, — Рокоссовский ещё почти полгода "загорал" на тюремной койке, несмотря на решение суда о его невиновности. А вот какие сработали рычаги в марте 1940 года, когда Рокоссовский вышел на свободу, это загадка и по сей день. Одни утверждают, что перед Сталиным за будущего полководца ходатайствовал Жуков. Другие говорят о том, что это заслуга маршала Тимошенко. Но прямых доказательств этих версий нет.

Ещё одна из деталей рассказов Студеникина. К. К. Рокоссовский, уже будучи командующим войсками фронта, весьма "нелюбезно" относился к представителям особых отделов. Дело в том, что ему как командующему предписывалось утверждать решения трибуналов в отношении тех военнослужащих, которые проявили трусость, измену Родине, паникёрство и т. д. Словом, воинские преступления. Порой такие обвинения особистов носили весьма тенденциозный характер, то есть подводили того или иного военнослужащего под расстрел необоснованно. Комфронта хорошо знал по своему собственному опыту стиль работы органов, очень внимательно изучал документы в отношении осуждённых и нередко требовал от особистов аргументированных доказательств их вины. Порой таким "обвинителям" здорово прилетало от Рокоссовского.

Заслуживает внимания и ещё одна история, характеризующая полководца. Он был глубоко убеждён в нашей победе над фашистами даже в самые критические минуты, когда немцы уже разглядывали в бинокли очертания Москвы. Студеникин рассказал мне о том, как однажды корреспондент “Красной звезды” Павел Трояновский, а будущий маршал его хорошо знал, явился по вызову командарма в его штаб. Рокоссовский внимательно изучал карту, видимо, осмысливал какие-то действия своих войск. Оторвавшись от карты, Рокоссовский начал разговор с корреспондентом. Беседа была продолжительной, даже успели выпить по стакану чая. Но Рокоссовский периодически обращался к карте, скорее всего, что-то обдумывал. Здесь Трояновский воспользовался моментом и задал генералу такой вопрос: какая самая сокровенная мечта у командующего армией, которая дерётся из последних сил на подступах к столице? Ответ командарма очень сильно удивил Трояновского. Рокоссовский стал говорить о том, что вот сейчас ему приходится искать участки фронта, где можно бы с наименьшим риском снять небольшое количество бойцов для создания оперативных резервов на случай возможного прорыва немцев, а мечтает он о том, как будет разрабатывать варианты наиболее эффективного наступления на Берлин! Напомним, разговор этот состоялся в середине ноября 1941 года. До контрнаступления Красной армии под Москвой оставалось ещё почти полмесяца. Да и догадывался ли тогда о нём командарм, поскольку натиск фашистов усиливался день ото дня, и его 16-я армия дралась из последних сил, а командующий был рад каждой прибывшей в его распоряжение танковой роте и батальону пехоты. Вот только редки были эти радости.

Нельзя не упомянуть и о таком интересном событии, где одним из действующих лиц стал Рокоссовский. Происходило это на Центральном фронте. Вышеупомянутый П. Трояновский — “старшина” корпункта на этом фронте. Представлены, как полагается, все центральные газеты, ТАСС. На фронте затишье. Майя в ожидании главных событий, журналистская братия, узнав, что тассовец где-то разжился спиртом, решила завладеть этим ценным продуктом. Придумали ход: “сфабриковали” сообщение о пленении генерала Моделя и продали эту дезу тассовцу за спирт. Но на узле связи штаба фронта договорились, чтобы никаких сообщений подобного рода в Москву не передавать. Дежурный офицер по узлу связи отлучился, и в этот момент сообщение о пленении Моделя войсками Рокоссовского ушло в Москву. Через несколько часов в штабе фронта начался переполох. Расследованием вынужден был заниматься сам Рокоссовский. Когда он выяснил обстоятельства случившегося, то принял очень мудрое решение: все корреспонденты, прикомандированные к штабу фронта, должны убыть в течение нескольких часов в боевые порядки полков и батальонов. И без особой команды в штабе не появляться. Знал, что кое-кто в Москве таких шуток может не понять. Кстати, об этом факте упомянуто на традиционной встрече правдивостов — участников Великой Отечественной войны в феврале 1979 года и рассказано в многотиражке “Правдивост” № 23 от 8 марта 1979 года.

Буду рад, если моя информация поможет автору романа-биографии о К. К. Рокоссовском несколько расширить это произведение дополнительными штрихами к биографии выдающегося полководца.

Евгений Соснин,
член Союза журналистов России
г. Москва

“РАДУЮСЬ, ЧТО БОГАТА РОССИЯ ТАЛАНТАМИ”

Здравствуйтесь, уважаемый Станислав Юрьевич и Сергей Станиславович!

Мне всегда тревожно за Вас и за “Наш современник”. Вот почему всегда повторяю слова, начертанные на иконке святого Фёдора Ушакова: “Не отчаивайтесь! Сии грозные бури обратятся к славе России”.

Станислав Юрьевич, хочу высказать Вам слова благодарности за Вашу подвижническую работу в “Нашем современнике”. Всё самое лучшее, современное, остро необходимое, появляется на страницах журнала. Читая, радуюсь, что так богата Россия талантами. Вот и восьмой номер порадовал повестью

Михаила Тарковского “Полёт совы”. Читала её несколько раз и захотелось поделиться радостью своего открытия с другими. На скорую руку написала заметку для районной газеты. Очень спешила, чтобы успеть опубликовать её к Дню учителя. А ведь повесть заслуживает большой критической статьи, в ней отражены многие наши большие проблемы: состояние дел в школьном образовании, положение учителя в современном обществе, защита русского языка, природа и человек, вера и атеизм, и многое другое. А каким точным и ёмким языком написана повесть! Начинающим прозаикам стоит поучиться!..

Ещё раз хочу поблагодарить за публикацию моих стихов в “поэтической мозаике”.

Остаюсь верной читательницей и подписчицей “Нашего современника”.

В. Г. Останина

пос. Таврическое Омской области

ПОМОЩЬ ЖУРНАЛУ

Дорогой Станислав Юрьевич!

Присоединяюсь ко всем поздравлениям по поводу 60-летнего юбилея журнала “Наш современник”.

“Обожгла” меня Ваша вступительная статья в № 12 за 2016 год: “Пушкин – наш современник”, а особенно высказывания ненавистников о России и о русских. Как же обидно это слышать! Я всё время себя ощущаю обчисленной, обманутой, оболганной. Может быть, мы и правда полные “придурки”, ни на что не годные! И как нам, “придуркам”, удалось построить гигантскую страну и выиграть войну?

В воздухе повисает вопрос: почему эти негодяи вслух высказываются о нас в таком ключе и это не считается ни разжиганием национальной ненависти, ни оскорблением... Что-то я не слышала, чтобы кого-то из них привлекли по 282-й статье. А многие русские люди сидят по этой статье, и защитников-то особенно не сыщешь. Слышала однажды, как по телевидению выступал Никита Михалков, но не очень убедительно. Я не восхитилась его выступлением, но всё равно спасибо ему за эту попытку помочь.

По всем, по всем направлениям идёт скрытая атака на нас, и многие русаки даже не замечают этого. Правители и церковь призывают к толерантности, особенно русских. Быть может, это и правильно, так как гнев народа может быть ужасен. Интересно бы узнать, сколько русских парней сидят по 282-й статье и за что именно. Ведь только через Ваш журнал узнаешь очень много полезных сведений. Даже больше и читать ничего не надо!

Увидев в № 12 за 2016 год скромный список жертвователей, я поняла, какую ошибку совершила, не догадавшись помочь журналу.

Станислав Юрьевич! Не стесняйтесь, бросайте клич, когда нужна материальная помощь журналу. Патриоты обязательно откликнутся и помогут, кто сколько сможет.

Хочу исправить эту ошибку и посылаю небольшую сумму в фонд журнала.

С большим уважением,
Славянка Зоя

“МНЕ СТЫДНО ЗА ТЕХ, КТО СЕЕТ ПЛЕВЕЛЫ”

Глубокоуважаемый Станислав Юрьевич и все члены редколлегии и сотрудники журнала “Наш современник”, от всей души поздравляю вас всех с наступившим Новым годом и желаю здоровья, удачи, успехов, счастья и всего наилучшего в вашей жизни!

Пятого января 2017 года мною на имя главного редактора еженедельной газеты “Литературная Россия” В. В. ОГРЫЗКО выслана по электронной почте моя критическая статья по поводу безобразной публикации Александра БАЙГУШЕВА. Вам высылаю копию статьи.

Опубликованная в газете “Литературная Россия” № 41 от 25.11.16 статья Александра Байгушева “Бесстыдство Станислава Куняева” привела меня в шок. Не могу молчать, когда позволяют себе так бессовестно лгать. “От вранья не мрут, да вперёд веры неймут”, – говорили на Руси во времена “казака Луганского” – Владимира Даля.

В 1982 году в предисловии к сборнику “Путь” Вадим Кожинов писал: **“Понятие пути – одно из важнейших при характеристике творчества поэта... В начале 1960-х годов имя Станислава Куняева оказалось в первых рядах “эстрадной поэзии”. Но, пройдя по этой дороге, в сущности, всего несколько шагов, поэт вдруг решительно свернул с неё. При этом он, безусловно, пожертвовал своей уже нарастающей шумной известностью, ибо даже в самом его поэтическом мире словно наступила глубокая тишина – тишина раздумья и пристального, чуткого вслушивания в голоса природы и истории... В те годы Станислав Куняев обрёл бесценных сподвижников на своём новом пути – таких, как Анатолий Передреев, Николай Рубцов, Владимир Соколов. Вместе они создали основу целого направления или, вернее, периода в развитии отечественной поэзии...”**

Литературный критик Владимир Бондаренко в статье о поэтическом сборнике Куняева “Лирические хроники” отмечал, на мой взгляд, главное в нём: **“Станислав Куняев всегда идёт и в жизни, и в литературе своим путём... Волевое, гражданское, бойцовское начало, направленное на сопротивление, как определяло, так и определяет до сих пор и поэзию, и жизненное поведение Станислава Куняева. И это прекрасно. Это редкий дар, которого были напрочь лишены и многие его друзья-единомышленники, и оппоненты-шестидесятники, подменявшие суровую требовательную социальность в своих стихах сиюминутными выплесками модных сентенций. Именно потому его “Добро должно быть с кулаками!” у Евгения Евтушенко абсолютно не прозвучало и не запомнилось. Это была громкая фраза, не более, а в стихотворении Куняева была уже тогда выношенная жизненная позиция”**.

Обе эти точки зрения я полностью разделяю.

Прежде чем перейти к размышлениям по поводу позорной статьи Александра Байгушева, процитирую ещё одно бессмертное стихотворение Станислава Юрьевича:

*Реставрировать церкви не надо —
пусть стоят, как свидетели дней,
как вместилища тары и смрада
в наготе и в разрухе своей.
Пусть ветшают...*

*Недаром с веками
В средиземноморской стороне
Белый мрамор — античные камни, —
Что ни век, возрастают в цене.
Штукатурка. Покраска. Побелка.
Подмалёвка ободранных стен.
Совершилась житейская сделка
между взглядами разных систем.
Для чего? Чтоб заезжим туристам
не смущал любознательный взор
в стольном граде иль во поле чистом
обезглавленный тёмный собор?
Всё равно на просторах раздольных
ни единый из них не поймёт,
что за песню в пустых колокольнях
русский ветер угрюмо поёт!*

На Северном Кавказе, в Карачаево-Черкесской Республике, как напоминание о далёком прошлом наших предков, стоит остов Сентинского храма —

одного из наиболее знаменитых христианских храмов эланской культуры X–XI веков. Он имеет форму равнобедренного креста с притворами у северной, южной и западной сторон. Кое-где на стенах до наших дней сохранились остатки фресок. В бытность свою гидом я с экскурсантами поднималась сюда и рассказывала им о христианском прошлом адыгов. И хотя позже карачаевцы и черкесы стали магометанами, но в Коране упоминают святые для них имена Богородицы Девы Марии (Марьям) и Иисуса Христа. Когда-то гадостное впечатление произвели на меня роман Байгушева “Сатанинские признания закулисного человека” и публикации в “Литературной газете” глав из его мемуарной книги. Комментарии историка Сергея Кургиняна по поводу “Русской партии внутри КПСС” Байгушева высветили продажную сущность Александра Иннокентьевича, и он как автор мне стал противен. Кому нужны бесовские наваждения человека, который явно не владеет собой?

Многие высказывания Александра Иннокентьевича впрямую бесчестны и подходят под соответствующие статьи Гражданского и Уголовного кодексов РФ. И если ещё никто его не привлёк к ответственности, то, возможно, только из нежелания сутяжничать. Но сколько верёвочке ни виться, а концу быть.

Мне лично в жизни не довелось встречаться ни с Куняевым, ни с Байгушевым. А это значит, что воспринимать и обсуждать их я буду по заслугам, а не по услугам. Внимательно вглядываюсь в их лица на опубликованных в газете фотографиях. Брезгливая гримаса на лице Байгушева вызывает неприязнь, умный взгляд Куняева – симпатию.

Досадно, что такой ничтожный литератор клеветает, и на кого? На поэта, имя которого широко известно на всей территории бывшего Советского Союза со времени выхода его первого поэтического сборника “Землепроходцы” (1960). Его имя внесено во все энциклопедии не случайно! Не говоря уже о том, столько разножанровых книг Станислава Куняева издано с тех пор! Десять лет назад было издано 12 книг исторической публицистики, прозы, критики и более 30 поэтических сборников. Знаю это потому, что публиковала статью о его творчестве. Главное – за его книгами “охотятся” до сих пор даже в нашей теперь малочитающей стране. Разве не глупость автора и редактора газеты “Литературная Россия” – назвать первый раздел скабрёзной писанины Байгушева о любимом тремя поколениями читателей авторе “**Наш “поэт без свойств”**”? У Куняева как раз налицо все отличительные особенности и **свойства** недюжинного таланта, твёрдая гражданская позиция, публицистичность, опирающаяся на глубокое знание истории, глубоко русское мировоззрение. А какими причиндалами (свойствами) может поразить читателей скандальный завистник? Разве лишь тем, что “промышляет публицистикой”, пока имеет доступ в газету “Литературная Россия”? Действительно, Станислав Юрьевич Куняев черпает темы для своей публицистики из жизни, широко и полноценно общаясь с разными интереснейшими авторами – единомышленниками и оппонентами. Его эрудиция восхищает, рискованность суждений завораживает, талант организатора вызывает уважение. Ещё в 1989 году в газете “Московский литератор” он не побоялся смело выступить с резкой критической статьёй о русофобии члена Политбюро ЦК КПСС Александра Яковлева. Раздумьями о судьбе России изобилуют его беседы, интервью, разговоры в книге “Стас уполномочен заявить...” (М., 2007). Всколыхнула польское общественное мнение его неотразимая публицистика в книге “Шляхта и мы” (М., 2012). Поисками истины наполнены все его книги о русских поэтах и писателях, в том числе и переизданная в 2013 году книга “Любовь, исполненная зла...”. Особое место в этом ряду занимает высококлассная историческая книга “Жрецы и жертвы холокоста”.

То, что пишет о холокосте Байгушев, – невежество полнейшее! Либо он читать не умеет, либо талантом литературным и знаниями истории он обделён. На Кавказе более ста разных национальностей и народностей, а потому были и есть у меня близкие друзья из горских, европейских и израильских евреев, из мусульман и православных. Свои книги дарили мне настоятель московской Православной церкви и игумен Ставропольской и Нестерской епархии, иеромонах Валаамского монастыря и чернецы из Второ-Афонского, Киевской и Псково-Печерской лавр. Библия, Коран и Пятикнижие – мои настольные книги. В молодости по поручению отдела пропаганды ГК КПСС я писала монографию о молоканах, баптистах и свидетелях Иеговы на Северном Кавказе.

Что касается книги Куняева “Жрецы и жертвы холокоста”, могу напомнить всем, кто это забыл, что массовая гибель евреев во Второй мировой войне 1933–1945 – страшная трагедия человечества и спекулировать на этом – величайший грех. Станислав Юрьевич правдив и эрудирован в своих публикациях, и то, что при этом он поддерживает и понимает поэтов, журналистов, писателей всех национальностей из бывших братских республик Советского Союза, несомненно, делает ему честь! Он настоящей патриот своей многонациональной Родины! Вот ведь и по признанию самого Байгушева, не побоялся он в своё время подняться против латыша, оскорбившего национальное достоинство журналистки Аллы Гербер. К сожалению, и тут наш Байгушев “опустился” до наущничества, заявив: **“не просто еврейки, а еврейки вызывающе политически окрашенной, широко всем известной активной сионистки и оголтелой русофобки”**. Мужской поступок Куняева мне понятен: рыцарь готов идти в бой с открытым забралом. Это ещё надо посмотреть, кто “снимает пенки” с чужой репутации и кто есть писатель “без свойств”, да ещё и “в старческом маразматическом возрасте”? Кавычу выражения, позаимствованные у Александра Иннокентьевича, и отношу их к нему лично. Не у московских ли дореволюционных дворников, сотрудничавших с полицией, или представителей “сусловской политической разведки” получил Байгушев воспитание доносчика и собутыльника “застой в забегаловках”?

С каким упоением Александр Байгушев разбросал по всему тексту статьи с десятком издевательских, по его понятиям, словосочетаний “душка Стасик” – в кавычках! Только ведь это отнюдь не оскорбление, а всего лишь признание того, что Станислав Куняев смолоду был и поныне остаётся милым приятным человеком с богатейшим внутренним миром, открытым добрым сердцем. И почему бы Куняеву не вспоминать в своих мемуарах о своих дружеских отношениях с талантливым поэтом-фронтовиком, евреем Борисом Абрамовичем Слуцким? Возможно, молодой русский поэт и перенимал у старшего коллеги-еврея жестокость стиля и разговорные интонации в поэтике. Байгушеву же, так и не сумевшему “примазаться к страшно влиятельному еврейскому поэту” Слуцкому, в итоге и “бахвалиться” нечем. Вот он и не в силах скрыть своей низменной зависти к более успешному талантливейшему коллеге и самозабвенно вываливает на страницы “Литературной России” “чудовищный” компронат на Б. А. Слуцкого и П. П. Полторацкого, добытый им якобы из рассекреченных архивов “партийной разведки”, а скорее всего, из кулуарных сплетен “стукачей”. Гадливость это вызывает у меня, прежде всего, к “информатору” Байгушеву с его неуместными рассуждениями о том, что **“Ленин был хазарином по своим предкам... чья настоящая фамилия была не Ульянов, а Ульянов**. Чей бек Ули – это ещё вопрос. Далеко не все “неразумные хазары” были иудейской веры. Хазары – тюркоязычный народ булгарской группы. Следовало бы незадачливому романисту знать, как и когда в пустынные прикаспийские степи попали сначала спасавшиеся от погромов беглые персидские евреи, а позже – изгнанные из Турции ранее бежавшие туда еврей-толстосумы. С их появлением в Хазарии власть постепенно перешла от хазар к ним. Но ведь родословную все евреи ведут по матери. Родившиеся в смешанных браках от отцов-евреев младенцы так и считались хазарами, татарами, тюрками, булгарами, но никак не иудеями. Чтобы различать категории евреев, следовало бы Байгушеву в этом, прежде всего, самому разобраться, а не разводить на страницах “Литературной России” вульгарную кухонную националистскую болтологию. Топорная заключительная фраза 2-го раздела статьи Байгушева **“Станислав Куняев не критикует евреев за их отдельных представителей, а мажет всех евреев чёрной краской, охаивая их на самом патологическом уровне фашистского огольного антисемитизма”** – явный оговор! Не страшно клеветнику схлопотать по полной?

“Писательскому сообществу, – вещает Байгушев, – пора освободиться от прилипал и провокаторов”. Но “Литературная Россия” поступает как провокационный листок, когда в 44-м номере за 2016 год в статье **“Давайте спасём Михаила Гучериева от подхалимов и лакеев”** называет Гучериева “осетином”. И это не описка, потому что в следующем абзаце автор повторяет: **“Неужели в детстве осетинский мальчик прочитал 1000 книг?”** “Перепутать” осетинов с ингушами, зная историю отношений этих кавказских племён, может только или полный идиот, или подлый провокатор. Огрызкина жёлтая газетка, желая “распутать” национальный вопрос и **“спасти”** Гучериева

“от подхалимов и лакеев”, не знает даже того, к какому народу принадлежит сам Гущериев.

Прибалты и азиаты, славяне и закавказцы дарили мне свои книги. Многие из них вошли в мировую литературу, благодаря русским переводчикам. Вряд ли мы знали бы Расула Гамзатова, если бы не блистательный поэт Козловский. Переводила я как-то книгу для детей одного талантливого черкеса, великолепно владеющего русским языком, пишущего прозу на русском, а стихи – на черкесском. Его произведения давно вошли в хрестоматию для школьников. На мой вопрос: “Зачем Вам переводчик?” – он откровенно ответил: “Русский язык так многогранно богат, что моего словарного запаса недостаточно, чтобы передать всю красоту моих чувств”.

Любой высокообразованный публицист, касающийся еврейского вопроса, просто обязан ознакомиться с работами еврейского политического деятеля Теодора Герцля, организатора Первого Конгресса сионистов **в 1897 году** и с принятой его участниками программой возвращения Палестины. И это совсем не значит, что мы его ученики! Зато всё, что написано Байгушевым в этом разделе, воистину “ересь жидовствующих”, плод большого воображения амбициозного завистливого старикашки или, ещё того хуже, – бред потенциального пациента психиатра. Доказательств убедительных во всей этой его абракадабре нет никаких. Несомненно только то, что ингуш Михаил Гущериев – олигарх, полиграфисты выпустили его роскошный сборник стихов, и Станислав Куняев посвятил автору свой отклик на изданную книгу, опубликовав его в своём журнале. То, что в заголовок статьи автором взята строка из стихотворения Пушкина, отнюдь не означает, что автор **“приравнял Гущериева к русскому великому поэту”**, как пишет Байгушев. Вчитываюсь в текст байгушевой злобной статьи, и всё более утверждаюсь в мысли, что такой человек не только не способен кого-либо любить, но и просто уважать. Он с маниакальной ненавистью относится не только к евреям. В его устах слова “ингуш” и “душа-человек” – ругательные. Мне стыдно за тех, кто выдаёт за “литературную полемику” его малограмотные писания, сеет плевелы и поощряет так называемых “писателей” типа Байгушева, походя пачкающего грязью Станислава Куняева, Вадима Кожинова, Владимира Бондаренко, Александра Проханова и других. Я не знаю и не хочу знать, кто по национальности Байгушев. Но я твёрдо уверена в том, что такой человек способен принести только зло. Мудрым четверостишием Валентина Сорокина я и закончу свои размышления о Добре и Зле в современной русской литературе, культуре и морали (на примере публикации в газете “Литературная Россия”):

*Беру коня судьбы я под уздцы
Без суеты и лишнего испуга,
Поскольку понял: в мире подлецы,
Как близнецы, похожи друг на друга.*

Галина Шевченко,
член Союза писателей России
автор 28 книг по истории Кавказа